

Ф.Л. СЕВАСТЬЯНОВ, канд. ист. наук, доцент, *elada@spmi.ru*
Санкт-Петербургский государственный горный институт (технический университет)

F.L. SEVASTYANOV, *PhD in hist., associate professor, elada@spmi.ru*
Saint Petersburg State Mining Institute (Technical University)

ПОЛНОЕ СОБРАНИЕ ЗАКОНОВ, СВОД ЗАКОНОВ И ПОНЯТИЕ ЗАКОНА В РОССИЙСКОЙ ИМПЕРИИ

Статья посвящена актуальной проблеме исследования феномена закона в Российской империи «додумского» периода. На основе анализа Полного Собрания и Свода законов Российской империи, а также комплекса работ историков и юристов показано, что в XVIII–XIX вв. само понимание закона в России отличалось от современного.

Ключевые слова: историческая наука, юридическая наука, право, закон, законодательство.

COMPLETE COLLECTION OF LAWS, CODE AND LAW CONCEPT IN THE RUSSIAN EMPIRE

The paper is dedicated to a topical problem of law phenomenon analysis in the Russian Empire in Pre-Duma period. On the basis of the analysis of complete collection of laws and code, works of historians and lawyers the author indicates that the law concept itself was quite different from the modern one.

Key words: history, legal science, legal right, law, legislation.

В современном научном знании, в том числе социогуманитарном, инновационные результаты зачастую достигаются на стыке наук. Одним из перспективных исследовательских направлений в этой связи является работа на стыке исторической и юридической наук. В настоящей статье мы попытаемся показать это, обратившись к конкретному примеру понимания закона в Российской империи (до 1906 г.). Как остроумно отмечено в литературе, после организации юридического образования в николаевской России «студентам предстояло изучать не столько “право”, т.е. общий предмет, сколько “законы”» [9, с.109].

Но в этой связи логично поставить вопрос: а достаточно ли мы, историки, знаем, что такое закон, законность и право в Российской империи?

Полное Собрание законов Российской империи (далее ПСЗ) принадлежит к той категории исторических источников, без которых, буквально как без рук, чувствует себя большинство историков-исследователей, изучающих императорский период отечественной истории. Авторитет ПСЗ настолько велик, что как-то незамеченным остается тот факт, что история его создания остается до сих пор по существу неизученной, а значит, и внешняя критика этого важнейшего источника в полной мере не осуществленной.

В самом деле, ответ на вопрос, почему Собрание законов Российской империи стало таким, каким оно стало, до сих пор не дан. Ученые обратили внимание лишь на некоторые отдельные обстоятельства.

Во-первых, неоднократно отмечалась неполнота Собрания. Так, исследователь петровского законодательства А.Н. Воскресенский утверждал, что, например, из актов Петра Великого в ПСЗ находится лишь около 30 % [2, с.10]. Заметим, что и новейшим публикаторам имперского законодательства зачастую приходится обращаться к иным публикациям имперских законов ввиду неполноты ПСЗ [3].

Во-вторых, удивительна необычайная эклектичность ПСЗ по составу: в него включены именные императорские указы, указы, изданные вследствие именных, указы сенатские, разного рода «регламенты», «уставы» и «учреждения», доклады и особого рода дела, по которым состоялись императорские резолюции и т.д. И если попытки создать псевдоклассификации всего этого разрозненного материала предпринимались и плоды этих опытов даже содержатся в авторитетной учебной историко-юридической литературе [4], то объяснить причину описанной эклектичности состава ПСЗ историки не пытались.

Причина, по которой история ПСЗ так и не была написана, в общем, лежит на поверхности. Поскольку для русских дореволюционных юристов ПСЗ практического интереса не представляло (в их профессиональной деятельности достаточно было сослаться на соответствующие статьи Свода законов), то и исследовательского интереса оно у них не вызывало. Отсутствие же истории ПСЗ, созданной в советское время, думается, можно объяснить своего рода дискурсионной инерцией предшествующего периода.

Еще хуже дело обстоит со Сводом законов Российской империи. Фактически и дореволюционная и советская историко-юридическая традиция восприняла на веру слова Манифеста императора Николая I, введившего Свод в действие, что будто бы «Свод законов ничего не изменяет в силе и действии их, но приводит их только в единообразие и порядок» [8, с.174]. Это обстоятельство даже дало повод некоторым современным исследователям объявить Свод не кодификацией, а инкорпорацией, т.е. вооб-

ще отказать николаевским кодификаторам в проявлении какого бы то ни было творческого начала [7, с.155].

Но дело в конце концов не в употреблении того или иного юридического термина. Гораздо интереснее то, что даже для дореволюционных юристов оставалась неясной юридическая природа Свода, причем в значительной степени потому, что неопределенным вплоть до 1906 г. оставалось и само содержание понятия закон!

Так, отличию указа от закона в России посвящались даже специальные доктринальные работы [5]. Весьма показательна в этом отношении и соответствующая статья из знаменитого Энциклопедического словаря Брокгауза и Ефрона, смысл которой сводится к тому, что различия между законом и указом (подзаконным актом) носят в России лишь чисто теоретический характер. Только с созданием в России системы «думской монархии», с присущей ограниченным монархиям четкой системой обязательного прохождения законопроекта через законодательные палаты, законотворчество в нашей стране приобрело характер близкий к современной схеме и понятный нам [6, с.32-44]. Следовательно, стало возможным определить закон как акт, получивший одобрение Государственной Думы и Государственного Совета и санкционированный Высочайшей властью.

Наиболее же типичное для дордумского периода определение закона содержится, например, в небезызвестном труде Н. Варадинова «Делопроизводство». На первых страницах своего сочинения автор резонно замечает, что законы составили один из важнейших для него источников и обращение с ними было для него необычайно легко, поскольку общеизвестно, что законы – это то, что включено в Полное Собрание законов, в свою очередь, также известно, что все законы в него включаются [1, с.2]. Такой вот замкнутый круг.

Само собой разумеется, что с учетом всего сказанного просто экстраполировать наши представления о законодательстве, законотворчестве и правоприменении (т.е. собственно наши представления о том, что

есть закон) на императорскую Россию додумской эпохи, мягко говоря, не вполне корректно. По-настоящему профессиональная работа с законодательными актами абсолютистской России требует проведения специальных исследований феномена права, закона и всей юридической культуры той эпохи.

В юридической культуре и правосознании абсолютистской императорской эпохи обращает на себя внимание следующее. Прежде всего, закон – есть выражение воли монарха и представляет ценность именно в этом качестве. Уже к одной из основных законотворческих процедур – публикации закона – отношение было весьма специфичным, отличным от современного. Печатаение текста закона в Сенатской типографии было не просто актом его публикации. Печатный закон был как бы гарантированно подлинным (отсюда многочисленные в XVIII в. запреты верить «рукописным законам» и формула, сродни нашей канцелярской, в конце печатного листа: «На подлинном собственною ЕИВ рукою подписано тако»).

Из этого посыла вытекают два важнейших следствия. Во-первых, раз закон есть выражение воли монарха, то и толковать его может только верховная власть. Следовательно, толкование закона возможно только путем издания нового закона. Во-вторых, невозможно выстроить какую-либо иерархию выражения высочайшей воли. Известно, что на практике более поздний акт имел приоритет над более ранним, частный указ – над общим правилом. Но и это не все! Как известно, вплоть до издания ПСЗ официально сборники законов в России вообще не издавались.

К этому небезынтересно добавить, что право- и законоведение в Российской империи до издания Свода законов вообще были разными вещами. Так, известен практически анекдотический случай, когда профессор права Московского университета Семен Смирнов просил присвоения ему статуса члена-корреспондента Комиссии составления законов с тем, чтобы иметь возможность изучать российские гражданские законы в архивах московских департаментов Сената под руководством

одного из тамошних обер-прокуроров.* Ученый профессор избирал в руководители своих научных занятий чиновника не самого крупного ранга!

Думается, что проведение комплекса исследований в развитие намеченных идей не просто приведет к новому пониманию идеи закона в абсолютистской императорской России, но и в целом даст инновационный результат на стыке исторической и юридической наук.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Варадинов Н.* Делопроизводство или Теоретическое и практическое руководство к гражданскому и уголовному, коллегияльному и одноличному письмоводству, к составлению всех правительственных и частных деловых бумаг и к ведению самых дел с приложением к оным образцов и форм. СПб, 1857. Ч.1.
2. *Воскресенский Н.А.* Законодательные акты Петра I. М., 1945. Т.1.
3. Законодательство Екатерины II. М., 2000. Т.1-2.
4. *Исаев И.А.* История государства и права России: Учебник для вузов. М., 2002.
5. *Коркунов Н.М.* Указ и закон. СПб, 1894.
6. *Кравец И.А.* Конституционализм и российская государственность в начале XX века. М.-Новосибирск, 2000.
7. *Ружицкая И.В.* Законодательная деятельность в царствование императора Николая I. М., 2005.
8. *Сперанский М.М.* Руководство к познанию законов. СПб, 2002.
9. *Уортман Р.С.* Властители и судии: Развитие правового сознания в императорской России. М., 2004.

REFERENCES

1. *Varadinov N.* Records management or theoretical and practical guidance for civil and criminal, collegial and personal writing, compilation of all governmental and personal business papers and for conducting of cases with enclosure of samples and forms to them. Saint Petersburg, 1857. P.I.
2. *Voskresensky N.A.* Legislation of Peter I. Moscow, 1945. Vol.1.
3. Legislation of Catherine II. Moscow, 2002. Vol.1, 2.
4. *Isaev I.A.* History of state and legal right in Russia: College textbook. Moscow, 2002.
5. *Korkunov N.M.* Degree and law. St-Petersburg, 1894.
6. *Kravets I.A.* Constitutionalism and Russian statehood in the early 20th century. Moscow-Novosibirsk, 2000.
7. *Ruzhitskaya I.V.* Legislative business in the reign of Nicholas I. Moscow, 2005.
8. *Speransky M.M.* The work of law consciousness. St-Petersburg, 2002.
9. *Wartman R.S.* Rulers and judges: The development of legal consciousness in imperial Russia. Moscow, 2004.

* РГИА, Ф. 1260, Оп. 1, Д. 32, Л. 42.
RGIA, F.1260, Op.1, D.32, L.42.